

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ, НЕМЕЦКИЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК» И РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ОККУПАЦИИ (1941–1943 гг.)

Е.И. Журавлев

Ростовский государственный строительный университет

Поступила в редакцию 3 октября 2008 г.

Аннотация: *рассматривается проблема религиозного возрождения на оккупированной территории на Юге России в период Великой Отечественной Войны (1941–1945 гг.). При этом автор отмечает, что руководителям фашистской Германии удалось разыграть «религиозную карту», используя гонения на церковь в предвоенный период в Советском Союзе. Особенно активно церковь возрождалась на оккупированной территории Юга России. В связи с этим сталинскому руководству пришлось пересмотреть свое отношение к церкви. С осени 1943 года начинается возрождение церкви на советской территории. В то же время гитлеровскому руководству не удалось в полной мере использовать религиозное возрождение для развития коллаборационизма на оккупированной территории Юга России из-за короткого периода оккупации и ужесточения оккупационной политики.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, фашистский «новый порядок», Северный Кавказ, коллаборационизм, религия.*

Abstract: *this work studies problems of religious revival on the occupied territories of the South of Russia during the Great Patriotic War (1941-1945). The author underlines that the authorities of Nazi Germany managed to play a religious card by persecuting church during the pre-war period in the Soviet Union. The process of religious revival was more active on the occupied territories of the South of Russia. In this concern the Stalin leadership had to reconsider their attitude to church. Since the autumn, 1943 began the revival of church on the Soviet territory. Meanwhile because of the short-term occupation and toughening of the occupation policy, the Hitler leadership didn't manage to use the religious revival in full to develop collaborationism on the occupied territories in the South of Russia.*

Key words: *the Great Patriotic War, the occupation policy, collaborationism, the religious revival*

Гитлеровское руководство для развития коллаборационизма (т. е. сотрудничества местного населения с немецкими оккупационными властями) на Юге России использовало гонения на церковь в Советском Союзе, причем, не без успеха. Начиная войну, нацисты вначале не придавали серьезного значения религиозному вопросу. Так, в документе «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» подчеркивалось: «Мы не несем русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач» [5].

Затем, уже в ходе войны, гитлеровцы изменили свое отношение к религии на оккупированных советских территориях. Они увидели в ней выгоды

для своего режима политические дивиденды. В апреле 1942 г. Гитлер в кругу соратников по нацистскому руководству цинично заявил: «...В наших интересах, чтобы в каждой деревне была своя секта... Даже если в тех или иных деревнях возникнет культ колдовства, как у негров или индейцев, мы будем это только приветствовать. Это усилит разьединение в русском пространстве» [9].

Воинствующему атеизму большевиков оккупанты противопоставили свободу вероисповедания.. Хотя эта свобода, как оказалось на практике, была далеко не полной и не для всех граждан. 13 мая 1942 г. министр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг указывал рейхскомиссарам «Остланда» и «Украины» на необходимость принять срочные и весьма решительные меры для ограничения деятельности возникающих религиозных организаций. В его пись-

ме, в частности, содержались четыре основополагающих пункта по отношению к религии:

1. Религиозным группам категорически запрещается заниматься политикой.
2. Религиозные группы должны быть разделены по признакам национальным и территориальным.
3. Религиозные общества не должны мешать деятельности оккупационных властей.
4. Особая предосторожность рекомендовалась в отношении Русской православной церкви как носительницы враждебной Германии русской национальной идеи. Последний пункт совпадал с точкой зрения Гимmlера, указывавшего на опасность, исходившую от православной церкви, которая, по его мнению, сплачивает русских «национально». Он полагал, что именно поэтому ее необходимо дезорганизовать, а возможно и вообще ликвидировать [20].

Однако на Юге России гитлеровцы стали проводить своеобразную религиозную политику, отличавшуюся от той, которая планировалась и разрабатывалась ранее. Так, в указаниях уполномоченному имперскому министру по оккупированным областям Востока при верховном командовании армейской группировки «А», действовавшей против советских войск на Юге России, подчеркивалось: «В области религии: полнейшая терпимость, не отдавать предпочтения ни одной из религий. Все же необходимо учитывать особое значение ритуалов и обычаев ислама. Церковные здания вернуть в распоряжение населения» [4, л. 240].

27 июля 1942 г. А. Розенберг заручился поддержкой Гитлера по проведению в жизнь своей программы «О преобразовании Кавказа». Как и в других документах нацистского руководства, относящихся к Северному Кавказу, в ней обращалось внимание на важность религиозного вопроса, в том числе и в международном аспекте. В программе, в частности, отмечалось, что «Кавказ является конечным углом Европы, завоевание немцами доверия малых магометанских народов означает приобретение самых лучших возможностей влияния на магометан за границей» [4, л. 191].

При осуществлении своей религиозной политики оккупанты добивались достижения двух взаимосвязанных целей. Во-первых, противопоставляли религию коммунистической идеологии, которую большевики насаждали в народе ровно четверть века. Во-вторых, возвращали населению

религиозные традиции, все еще жившие в сознании и в душах многих людей, особенно тех, кому было за 30 лет.

Уже в первых документах, доведенных до сведения жителей Юга России немецкими властями летом 1942 г., религиозный вопрос выступал одним из главных. Так, в объявлении главнокомандующего германскими войсками для населения оккупированных областей содержался призыв: «Откройте церкви и мечети!» [21, с. 34]. Следовательно, действительно немцы объявили о свободе вероисповедания. Религия стала активно входить в повседневную жизнь местного населения. Религиозная тематика широко была представлена на страницах оккупационных газет.

В коллаборационистской газете, выходившей в оккупированном Краснодаре, сообщалось, что в воскресенье 13-го сентября 1942 г. в храме Святого Георгия Победоносца был отслужен благодарственный молебен. По утверждению местной оккупационной прессы, он был организован по просьбе городского головы С. Ляшевского для выражения слов признательности германскому командованию от имени жителей города за освобождение их от большевизма [11].

Во многих городах и станицах Юга России началось возрождение закрытых ранее большевиками храмов, церквей и соборов, строительство новых. Так, до прихода немцев на территории Ставропольского края церкви действовали всего в 10-ти городских и районных центрах [22]. В Ставрополе до оккупации работал только Успенский храм на одноименном кладбище, рядом с железнодорожным вокзалом. Городская управа краевого центра, заручившись согласием немецкой власти, открыла в начальный период оккупации еще две, ранее закрытые большевиками церкви – Крестовоздвиженскую и Вознесенскую [2]. В целом же всего за две недели своего пребывания в Ставрополе немцы открыли в городе четыре церкви, а к концу августа 1942 г. во вновь образовавшейся епархии было уже 16 церковных общин [22].

В Краснодаре в начале октября 1942 г. шло восстановление трех храмов. Местная газета сообщала читателям, что до 1917 г. в Екатеринодаре было 20 церквей, и восстанавливаемые первые храмы – только начало возрождения духовной жизни в городе [13].

В Пятигорске после завершения ремонтных работ 5 декабря 1942 г. открылся храм Михаила Архангела [19].

В Ростове-на-Дону к концу августа 1942 г. богослужение проходило в четырех церквах и четырех церковных приходах. Власти готовились к открытию и проведению служб еще в трех церквах [23, л. 8].

В станице Славянской Краснодарского края по собственной инициативе и с разрешения немецких властей священник О. Корнеев организовал сбор пожертвований на восстановление небольшой и единственной в станице кладбищенской церкви. Верующее население охотно откликнулось на этот призыв и уже в середине октября 1942 г. на день Покрова состоялось торжественное освящение этой церкви [12].

Все эти примеры свидетельствуют о том, что в период оккупации наблюдался настоящий бум возрождения церковной жизни на Юге России. Еще одно красноречивое подтверждение этому выводу: если до лета 1942 г. на всей территории Кубани функционировало всего лишь семь церквей, то при немецком «новом порядке» было открыто 100 церквей и молитвенных домов тихоновского и 92 – обновленческого направлений [10, с. 611]. Причем оккупанты в одинаковой степени поддерживали деятельность как одной, так и другой церкви, поощряли деятельность на Кубани различных религиозных сект, находившихся при советской власти в подполье.

Всего, согласно отчету Совета по делам Русской православной церкви от 1 января 1948 г., на временно оккупированных территориях СССР немцами было открыто 7547 церквей и храмов, в том числе в РСФСР – 2150. В Ростовской области оккупационные власти открыли 243 церкви и храма, в Краснодарском крае – 229 и в Ставропольском крае – 127 [3].

Не препятствовали также немецкие власти деятельности старообрядческой церкви. Гонимая сначала еще царской властью, а затем большевиками, она теперь не подвергалась насилию и могла существовать свободно. Старообрядцы в Советском Союзе занимали второе место по численности среди православных верующих и поэтому немецкие власти были даже заинтересованы в привлечении их на свою сторону. Скажем, с приходом немцев в Ессентуки началась подготовка к открытию старообрядческого храма. В воззвании, которое было развешено по всему городу, сообщалось: «С божьей помощью и разрешением Германского командования открывается 2-я Старообрядческая Церковь Покрова Пресвятой Богородицы по Базарной улице,

№ 92, которая в 1937 г. была закрыта большевиками» [22].

В Пятигорске немецкие власти разрешили местным католикам восстановить костел, хотя отношения гитлеровцев с католической церковью в самой Германии складывались довольно напряженно. Как известно, папа Пий XII отказал Гитлеру в благословении войны против СССР, увидев в ней не освобождение народа русского от большевизма, а войну против него.

При создании на оккупированных территориях новых структур власти германское командование прибегало к помощи церкви. Она проводила обряд освящения зданий и помещений, возрождая тем самым дореволюционные российские традиции. Население с интересом, а значительная его часть и с одобрением относились к таким актам. Для оккупантов это был крайне важный момент в проведении политики привлечения жителей городов и сел Северного Кавказа на свою сторону. О проведении такого рода мероприятий заблаговременно и обязательно сообщалось в местной печати. Так, в газете «Заря», издававшейся под патронажем немецкой власти, в начале сентября 1942 г. было помещено объявление. Его текст гласил: «13 сентября с.г. в воскресенье после литургии в помещении Ессентукского городского управления будет отслужен молебен с водосвятием по случаю начала работ в городском управлении» [7].

В Таганроге местная оккупационная власть в день 1-й годовщины захвата города немецкими войсками организовала различные праздничные мероприятия. Их главной составной частью стала божественная литургия, совершенная 17 октября 1942 г. в Никольском соборе преосвященным епископом Иосифом Таганрогским. На литургию властями приглашались все жители города [15].

Возрождение церковной жизни на оккупированных территориях – это не только процесс восстановления храмов и соборов. Для того чтобы они могли нормально функционировать, чтобы в них проходили службы по всем правилам, требовались подготовленные кадры священнослужителей. А их количество за четверть века советской власти резко сократилось. Чтобы восполнить эти потери, в ряде городов Юга России церковные структуры стали срочно организовывать обучение части верующих, особенно молодежи, всем тонкостям и правилам церковной жизни. В Пятигорске, к примеру, в октябре 1942 г. в этих целях была открыта воскресная школа по подготовке священнослужителей [21, с. 69].

В Ростове-на-Дону в начале сентября 1942 г. несколько представителей духовенства были посвящены в священники с правом самостоятельной работы в приходах. Но прежде чем они приступили к работе и к общению с верующими, с ними проводили переэкзаменовку, т.е. своего рода испытательный экзамен. Лишь выдержав его, священники могли работать с прихожанами [23, л. 9].

Непременной составной частью всего учебного процесса в школах стало религиозное воспитание учащихся. В начальных классах вводилось обязательное преподавание Закона Божьего. После 25-летнего перерыва православные священники вновь обучали детей основам религиозного мировоззрения.

Религию нацисты активно использовали в противостоянии с советской коммунистической идеологией. Одной из самых выигрышных для них в этой борьбе была критика большевистской антицерковной политики. Немцы довольно умело использовали в своих интересах ошибки и перегибы советской власти в решении религиозного вопроса. Как показало военное время, все предыдущие усилия сталинского режима по искоренению религии из повседневной жизни советских людей, из их сознания оказались тщетными.

Признала оккупационную власть и сотрудничала с ней часть служителей армяно-григорианской церкви. Под ее влиянием находились многие верующие армяне – жители Юга России. Фашисты в ответ на такую лояльность оказывали армяно-григорианской церкви поддержку. Так, в Пятигорске с сентября 1942 г. началось восстановление церкви имени Саака и Месропа. Она была действующей до 1918 г., а затем с установлением советской власти закрыта большевиками. Теперь же, при немцах, ее восстанавливали на средства верующих армян. Все ремонтные работы были успешно закончены, и 22 ноября состоялось торжественное освящение церкви [16].

Армянское население Пятигорска и других городов района Кавказских Минеральных Вод участвовало в возрождении своей церкви с воодушевлением и энтузиазмом. Этот душевный порыв породил благотворительные инициативы. Возможно, с подсказки оккупантов. В день освящения церкви Саака и Месропа предприниматель Аманьянц призвал всех коммерсантов города регулярно в знак признательности и благодарности отчислять часть своей прибыли германской армии – освободительнице от большевизма. Часть

этих средств предполагалось направить на закупку зимней одежды для добровольцев, вступавших в вермахт. Еще одна часть денег направлялась на оказание помощи советским военнопленным и детям-сиротам [16]. Разумеется, сегодня в искренность намерений фашистов спасти наших военнопленных и детей никто не поверит. Но тогда, в период оккупации, ситуация была иной: немалая часть населения уверовала в то, что немцы пришли навсегда. Значит, надо выполнять все их распоряжения.

Всего за две недели – к 5 декабря 1942 г. в церковный совет армяно-григорианской церкви в Пятигорске от верующих поступило 30 тыс. рублей добровольных пожертвований [18]. Как и планировалось ранее, деньги были переданы на финансирование всех мероприятий по набору добровольцев в германскую армию. Сбор денег и теплых вещей был продолжен, о чем информировала своих читателей газета «Пятигорское эхо».

В планах германского руководства предусматривалось широкое использование в войне против СССР исламского фактора. Под флагом ислама гитлеровцами был объявлен «газават» против большевистской власти в надежде на то, что этот призыв найдет широкую поддержку среди всех мусульман Советского Союза. В нацистских средствах массовой информации была развернута широкомасштабная работа по вовлечению горцев в это движение. Эпиграфом журнала «Северный Кавказ» и газеты «Газават», издававшихся в Берлине массовыми тиражами на языках народов Кавказа, были слова: «Аллах – над нами, Гитлер рядом с нами». Гитлер был возведен кавказскими националистами, противниками советской власти, в ранг «великого имама» всего Кавказа.

В исторической литературе часто упоминается ставший довольно известным еще в годы войны любопытный факт. Речь идет о решении командующего 1-й немецкой танковой армии генерала Макензена принять ислам. Сделал он это в конце ноября 1942 г. во время напряженных боев с советскими войсками на Юге России. Макензен регулярно посещал мечеть, соблюдал все исламские заповеди, выдавая себя за приверженца горских обычаев. Этот шаг немецкого генерала отечественные историки трактуют как пропагандистский. С этим трудно спорить. Но вместе с тем зададимся вопросом: а разве сделал бы такой жест Макензен, если бы у немцев не было оснований рассчитывать на поддержку частью мусульманских народов Кав-

каза нацистского «нового порядка»? Более того, как уже подчеркивалось, к осени 1942 г. на стороне немцев в боях с Красной Армией принимали участие тысячи мусульман – уроженцев Кавказа и Средней Азии. Не будь таких фактов, никогда немецкий генерал столь высокого ранга не сделал бы такой неожиданный пропагандистский шаг.

Враждебно настроенное к оккупантам население, как это случалось не раз в ходе войны, неминуемо подверглось бы массовым репрессиям. А потому нельзя, на наш взгляд, согласиться с выводами, к примеру, авторов «Истории Кабардино-Балкарской АССР», которые утверждают, что «политика врага по отношению к горцам... была такой же, как и ко всему населению оккупированных районов СССР» [8]. Напротив, она была как раз другой, более лояльной, с надеждой получить в ответ такое же отношение к немецкой армии. Более лояльной в том числе и в религиозном вопросе. Но оккупантов ожидало разочарование, так как только незначительная часть горцев приветствовала фашистский режим и с ним сотрудничала.

Следует заметить, что у гитлеровцев были радужные надежды на понимание и поддержку их политики мусульманами Юга России. Большевицкая власть своей довоенной антирелигиозной, в том числе антиисламской, воинствующей политикой сама подготовила почву для этого. Как известно, в 30-е гг. по обвинению в антисоветской деятельности была арестована большая часть мусульманского духовенства. Многие из них умерли в лагерях ГУЛАГа или были расстреляны. Из 2507 мусульманских общин к 1941 г. в СССР осталось только 12, т. е. меньше 1 % от первоначального количества. Так же как и церкви, мечети подвергались разрушению или в лучшем случае их использовали как хозяйственные объекты.

Поэтому во многих документах немецких оккупационных властей, адресованных мусульманам, обязательно подчеркивался факт их освобождения от большевистского террора. Так, в частности, выглядела вводная часть воззвания кади Кабардино-Балкарии ко всем мусульманам республики. Это воззвание было опубликовано в ноябре 1942 г. В нем говорилось: «Правоверные мусульмане! Жидо-большевики свыше 20 лет душили религию наших дедов, оскверняли веру во Всемогущего Аллаха, завещанную нам его пророком Магомедом. Запрещали чтение и слушание Корана, закрывали мечети, расстреливали и ссылали наших мулл» [14].

Во многих населенных пунктах Юга России, где жили мусульмане, оккупационные власти вновь восстановили должности мулл и старших мулл. В должностных правах и в денежном довольствии их приравнивали к главам администраций городов и сельских населенных пунктов. Проводя карательные акции, гитлеровцы использовали мулл для оправдания массовых расстрелов советских патриотов и мирных граждан. В частности, такие факты имели место зимой 1942–1943 гг. на территории Кабардино-Балкарской АССР [5]. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов СНК СССР, полученным уже после освобождения Юга России, оккупационные немецкие власти в 1942 г. «открыли по 2–3 мечети в каждом населенном пункте республики» [6].

В Кисловодске уже через две недели после установления оккупационного режима решением городской управы была открыта мечеть. В газете «Пятигорское эхо» специально подчеркивалось, что сделано это по просьбе местных граждан – мусульман [17]. Во многих аулах Адыгеи с разрешения немецкого командования также были открыты мечети. Показывая свое особое отношение к местному мусульманскому населению, гитлеровцы меньше использовали на хозяйственных работах адыгов, чем русских, армян, украинцев и др. [10, с. 607].

Таким образом, религия стала важным духовным инструментом в политике немецких властей на временно оккупированных территориях. Опираясь на недовольство населения жесткой, репрессивной более чем 20-летней антирелигиозной политикой советской власти, фашисты сумели извлечь существенную выгоду для укрепления своего оккупационного режима.

Религия за короткий период существования оккупационной немецкой власти на Юге России вновь вошла не только в духовную жизнь значительной части населения региона, но и его повседневную жизнь. Венчание, крещение, отпевание и другие обряды снова прочно вошли в быт.

Оккупанты демонстрировали веротерпимость, всячески стараясь не ущемлять чувства верующих всех религий и религиозных течений, существовавших тогда на Юге России, уважительно относясь ко всем конфессиям. Для укрепления оккупационного режима это был самый идеальный вариант проведения религиозной политики.

Всплеск религиозных чувств населения в военное время, в том числе и на оккупированных территориях, сыграл важную роль в изменении

позиций советского правительства и лично Сталина к вопросам религии, в отношении к Русской православной церкви. Начиная с осени 1943 г., сталинское руководство пошло на диалог с высшими иерархами церкви во имя достижения общей цели – разгрома врага и достижения победы над фашизмом.

Оккупационное время показало, что, как и во всем обществе, во всех религиозных организациях также произошел раскол среди священнослужителей всех конфессий Юга России. Одна часть осталась на патриотических позициях, другая же – пошла на сотрудничество с врагом. Духовные лица всех религий и религиозных течений не избежали той же участи – оказаться по разные стороны баррикад, что и их паства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алискеров И.Ш.* Влияние религиозных и этических факторов на военно-политическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 // Религиозные организации... – С. 91.
2. *Беликов Г.* Оккупация. – Ставрополь, 1997. – С. 108.
3. *Васильев О.Ю.* Особенности религиозной жизни на временно оккупированной территории // Церковь в истории России. – Сб. № 4. – М., 2000. – С. 228.
4. ГАРФ, ф. 7445, оп. 2, д. 99.
5. Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке // Военно-исторический журн. – 1991. – № 8. – С. 10–11.
6. *Дегтярев Ю.М.* Открывал ли Сталин церкви? //

Ростовский государственный строительный университет
Е.И. Журавлев, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии
www.rgsu.ru
Тел. 2-32-92-71

Военно-исторический журн. – 1991. – № 8. – С. 131.

7. Заря. – 1942. – 26 сент.

8. История Кабардино-Балкарской АССР : в 2 т. – Т. 2. – М., 1967. – С. 255.

9. *Кондакова Н.И.* Церковь в условиях Великой Отечественной войны // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : мат-лы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы (13 апреля 1995 г.). – М., 1995.

10. Кубань в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Кн. 1 (1941–1942). – Краснодар, 2000.

11. Кубань. – 1942. – 26 сент.

12. Кубань. – 1942. – 27 нояб.

13. Кубань. – 1942. – 6 окт.

14. Лики войны : сб. док. по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Нальчик, 1996. – С. 105.

15. Новое слово. – 1942. – 17 окт.

16. Пятигорское эхо. – 1942. – 25 нояб.

17. Пятигорское эхо. – 1942. – 30 авг.

18. Пятигорское эхо. – 1942. – 5 дек.

19. Пятигорское эхо. – 1942. – 6 окт.

20. *Регельсон Л.* Трагедия русской церкви 1917–1945. – Париж, 1977. – С. 508.

21. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943) : док-ты и мат-лы. – Ставрополь, 2000.

22. Ставропольские губернские ведомости. – 1995. – 7 марта.

23. ТФ ГАРО, ф. 619, оп. 1, д. 211.

Rostov State building University
E.I. Zhuravlev, the candidate of the historical science,
the docent of the department of Sociology
and Political Studies
www.rgsu.ru
Tel. 2-32-92-71